

ВАНЕССА
СПРИНГОРА

переведено
на 27 языков

согласие

мне было 14,
а ему — намного
больше

Париж, 1980-е.

Девочка растет без отца,
мама делает карьеру.

Девочка заполняет пустоту
книгами, мир литературы
кажется ей интереснее
собственного.

Но все меняется,
когда она встречается Его...

18+

Ванесса Спрингора
Согласие. Мне было 14,
а ему – намного больше
Серия «Замок из стекла.
Книги о сильных людях
и удивительных судьбах»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66114638

Согласие. Мне было 14, а ему – намного больше: Эксмо; М.; 2021

ISBN 978-5-04-157346-1

Аннотация

Ванессе было 13, когда она встретила его. Г. был обаятелен, талантлив, и не спускал с нее глаз. Вскоре он признался ей в своих чувствах, Ванесса впервые влюбилась, хоть и с самого начала понимала: что-то не так.

Почему во Франции 80-х гг. был возможен роман между подростком и 50-летним писателем у всех на виду? Как вышло, что мужчина, пишущий книги о своих пристрастиях к малолетним, получил литературные премии и признание?

Книга стала сенсацией в Европе, всколыхнув общественность и заставив вновь обсуждать законодательное установление

«возраста осознанного согласия», которого во Франции сейчас нет.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Пролог	6
I. Ребенок	8
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Ванесса Спрингора Согласие. Мне было 14, а ему – намного больше

*Бенжамину
и для Рауля*

Vanessa Springora

LE CONSENTEMENT

Copyright © Editions Grasset & Fasquelle, 2020.

© Аревкина Ю., перевод на русский язык, 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

БОМБОРА™

Москва 2021

Пролог

Детские сказки – источник мудрости. Именно поэтому они доходят до нас сквозь века. Золушка должна покинуть бал до полуночи, Красная Шапочка – не поверить Волку и его обольстительным речам, Спящая красавица – не уколоть пальчик о неотвратимо манящее веретено, Белоснежка – убежать от егеря и ни за что не откусить такое красное, аппетитное, уготованное ей судьбой яблоко...

Так много предостережений, что юному человеку достаточно всего лишь неукоснительно им следовать.

Одной из моих первых книг был сборник сказок братьев Гримм. Он был зачитан мною до дыр, все швы под толстой картонной обложкой разошлись, и страницы рассыпались одна за другой. Оплакивая эту потерю, я была безутешна. В отличие от чудесных историй о бессмертных преданиях книги сами по себе оказались лишь бранными предметами, которым была уготована судьба рассыпаться в прах.

Еще не умея читать и писать, я мастерила их из всего, что попадалось мне под руку: газет, журналов, картона, скотча, бечевки. Чем прочнее, тем лучше. Сначала был предмет. Интерес к содержанию пришел позже.

Сегодня я смотрю на книги с недоверием. Между нами выросла стена из стекла. Я знаю, что они могут отравлять. Я знаю, какой ядовитый заряд они могут таить в себе.

Много лет я ходила по замкнутому кругу в своей клетке, мои сны были наполнены мыслями об убийстве и мести. Вплоть до того дня, когда я наконец ясно увидела очевидное решение: поймать охотника в его собственную ловушку, заточить его в книге.

I. Ребенок

Наша мудрость начинается там, где она заканчивается у автора. Мы хотели бы, чтобы он дал нам ответы, тогда как он может лишь возбудить в нас желания.

Марсель Пруст, О чтении

На заре моей жизни, будучи абсолютно неопытной, я называла себя В. и с высоты своих пяти лет ждала любви.

Отец для дочери – каменная стена. Мой был не более чем дуновением ветра. Воспоминания о нем сводятся не к его физическому присутствию в моей жизни, а скорее к аромату ветивера, наполнявшему ванную комнату ранним утром, разложенным тут и там мужским вещам, галстуку, часам, рубашке, зажигалке Dupont, к привычке держать сигарету между указательным и средним пальцами, достаточно далеко от фильтра, и неизменно ироничной манере говорить так, что я никогда не была уверена, шутит он или нет. Он рано уходил из дома и поздно возвращался. Это был очень занятой мужчина. К тому же очень элегантный. Сферы его профессиональных интересов менялись так стремительно, что я не успевала уловить их суть. Когда в школе меня спрашивали, кем работает отец, я не знала, что ответить. Но все всякого сомнения, он занимался чем-то очень важным, поскольку внешний мир привлекал его гораздо больше, чем домашнее

хозяйство. По крайней мере, мне так казалось. Его костюмы были всегда безупречны.

Я родилась, когда моей маме было всего двадцать лет. Красивая блондинка с мягкими чертами лица, светло-голубыми глазами, стройной женственной фигурой и приятным тембром голоса. Я обожала ее безмерно, она была моим солнцем и счастьем.

Бабушка часто повторяла, что мои родители были идеальной парой, на том основании, что они обладали внешностью кинозвезд. Казалось, мы должны быть счастливы. Однако в моих воспоминаниях наша жизнь втроем в той квартире, где я испытала мимолетную иллюзию семейной гармонии, обернулась кошмаром.

По вечерам, спрятавшись под одеялом, я слушала, как отец кричит и обзывает маму «тварью» или «шлюхой», и совершенно не понимала почему. Для вспышки ревности ему было достаточно малейшего повода, детали, взгляда, «неловкого» слова. Они в любой момент могли начать сотрясать стены, бить посуду и хлопать дверьми. С маниакальной одержимостью он не выносил, когда предметы переставляли без его согласия. Однажды отец чуть не задушил мою мать, потому что она разлила бокал вина на скатерть, которую он ей подарил. Вскоре подобные сцены стали происходить все чаще. Этот раскручивающийся с безумной скоростью маховик никто уже был не в силах остановить. Отныне мои родители могли часами напролет осыпать друг друга самыми чудо-

вищными оскорблениями. До поздней ночи, пока мама наконец не убегала в мою комнату, чтобы поплакать в тишине, прижавшись ко мне на узкой детской кровати. В итоге она ложилась спать в пустую супружескую постель одна. Следующую ночь отец снова проводил на диване в гостиной.

В противостоянии таким неконтролируемым приступам гнева и капризам избалованного ребенка мама исчерпала все свои ресурсы. И не было никакого спасения от безумств этого мужчины, как принято говорить, со сложным характером. Их брак превратился в бесконечную войну, побоище, о причине которого все уже забыли. Вскоре конфликт был урегулирован в одностороннем порядке. На это потребовалось всего лишь несколько недель.

И все же эти двое, должно быть, когда-то любили друг друга. Их сексуальная жизнь, проходившая в глубинах бескрайнего коридора, за дверью спальни, была для меня неким темным пятном, где скрывалось чудовище: вездесущее (приступы ревности отца были тому ежедневным подтверждением), но совершенно мистическое (я не могу вспомнить ни единого объятия, поцелуя или малейшего проявления нежности между моими родителями).

Больше всего на свете, даже не осознавая этого, я хотела разгадать тайну, которая связывала двух людей за закрытой дверью спальни, что же там происходило между ними. Словно в детских сказках, где чудеса вдруг происходят в реальности, в моем воображении сексуальная жизнь представлялась

чем-то вроде магического ритуала, от которого чудесным образом рождаются дети. Его проводят внезапно и непредсказуемо и зачастую совершенно необъяснимо как. Намеренная или случайная встреча с этой загадочной силой очень рано разожгла в ребенке, которым я была, настойчивое и пугающее любопытство.

Несчетное количество раз я появлялась в спальне родителей посреди ночи в слезах, стоя в дверном проеме, жалуясь то на живот, то на голову, повинуюсь неосознанному желанию прервать их забавы и увидеть лежащими под натянутым до подбородка одеялом с глупым и подозрительно виноватым видом. А от предшествующей этому моменту картины их сплетенных тел не сохранилось ни малейшего следа. Она словно стерлась из моей памяти.

Однажды директриса вызвала родителей в школу¹. Отец не пришел. Именно маме пришлось с волнением выслушивать рассказ о моем дневном образе жизни.

– Ваша дочь засыпает на ходу, видимо, она не спит по ночам. Я была вынуждена поставить ей раскладушку в глубине

¹ Система образования во Франции отличается от российской. Состоит из следующих ступеней: 1) начальное образование (*фр.* enseignement primaire) – 3–4 года в материнской школе (*фр.* L'école maternelle) и 5 лет в начальной школе (*фр.* L'école élémentaire); 2) среднее образование (*фр.* enseignement secondaire) – 4 года в коллеже (*фр.* Le collège) и 3 года в лицее (*фр.* Le lycée); по окончании выдается диплом бакалавра о полном среднем образовании (baccalauréat (bac); 3) высшее образование (*фр.* enseignement supérieur) – возможно после получения диплома бакалавра. – Прим. пер.

класса. Что происходит? Она рассказала мне об ожесточенных спорах, которые происходят между вами и ее отцом ночью. Кроме того, воспитательница заметила, что В. частенько проводит перемены в туалете для мальчиков. Я спросила В., что она там делает. На что она совершенно непринужденно ответила: «Помогаю Давиду писать прямо. Я придерживаю его писюн». Давиду совсем недавно сделали обрезание, и у него в некотором роде не очень получается... прицеливаться. Уверяю вас, что для пятилеток в подобных играх нет ничего ненормального. Я всего лишь хотела поставить вас в известность.

В один прекрасный день мама наконец решилась. Воспользовавшись моим отсутствием – я находилась в летнем лагере, и на это время она втайне запланировала наш переезд, – мама ушла от отца навсегда. Это было лето перед моим переходом на первый год обучения в начальной школе. По вечерам, сидя на краю кровати, вожатая читала мне письма, в которых мама описывала нашу новую квартиру, мою спальню, школу, район. Словом, уклад нашей новой жизни, которая начнется после моего возвращения в Париж. Из отдаленного уголка сельской местности, куда меня отправили, посреди криков детей, одичавших в отсутствие родителей, все это казалось мне чем-то абстрактным. У вожатой часто наворачивались слезы и дрожал голос, пока она читала мне вслух эти наигранно радостные материнские послания. Бы-

вало, что после этого вечернего ритуала меня находили ночью в приступе лунатизма спускающейся по лестнице к выходу задом наперед.

* * *

Став свободной от домашнего тирана, наша жизнь совершила новый головокружительный виток. Теперь мы поселились под крышей. В перестроенных комнатах для прислуги. В моей с трудом можно было выпрямиться, зато повсюду было множество секретных закоулков.

Мне уже исполнилось шесть лет. Прилежная девочка, хорошая ученица, послушная и умная, немного меланхоличная, что часто бывает с детьми, родители которых в разводе. Я не ощущала в себе никакого внутреннего бунта и избегала любых сомнительных поступков. Идеальный солдатик. Моей основной задачей было приносить матери, которую я по-прежнему любила больше всего на свете, дневник с наивысшими баллами.

Иногда по вечерам она садилась играть на пианино Шопена и заканчивала уже посреди ночи. Бывало, мы с ней танцевали допоздна, врубив звук на полную катушку. Прибегали взбешенные соседи и кричали, что музыка слишком громкая, но мы не обращали на них никакого внимания. По выходным мама принимала ванну. Она была восхитительна с бокалом коктейля «Кир рояль» в одной руке, сигаретой JPS

в другой, пепельницей, стоящей на бортике ванной, и ярко-красным маникюром, контрастирующим с ее молочной кожей и платиновыми волосами.

Уборка часто откладывалась на завтра.

Отец все устроил так, чтобы больше не выплачивать алименты. Порой дотянуть до конца месяца бывало довольно сложно. В нашем доме одна вечеринка сменяла другую, так же как и мамины мимолетные романы. Несмотря на это, оказалось, что она более одинока, чем я могла подумать. Однажды я спросила, какую роль в ее жизни играет один из ее любовников. Она ответила: «Я не стремлюсь навязывать его тебе или заменить им твоего отца». Она и я отныне слились в неразрывную пару. Ни один мужчина более не сможет вторгнуться в нашу близость.

В новой школе я стала неразлучна с девочкой Азьей. Вместе мы не только учились читать и писать, но и исследовали наш квартал. Очаровательное местечко, где на каждом углу были разбросаны веранды кафе. Но прежде всего мы обе обладали нетипичной степенью свободы. В отличие от большинства наших приятелей за нами никто не присматривал. Дома не было денег на нянь, даже на вечерних. Но этого и не требовалось. Матери полностью нам доверяли. Мы вели себя безукоризненно.

Когда мне еще не исполнилось семи лет, отец взял меня к себе на ночь. Событие исключительное, которое больше никогда не повторилось. Моя спальня, к слову, была переделана в кабинет сразу после того, как мы с матерью покинули квартиру.

Я спала на диване. И проснулась на рассвете в месте, в котором с тех пор начала чувствовать себя чужой. От нечего делать я подошла к полкам библиотеки. Все книги на них были скрупулезно классифицированы и расставлены в определенном порядке. Наугад вытащила две или три из них, аккуратно поставила на место, задержалась на миниатюрном издании Корана на арабском, поводила ладонью по его изящной обложке из красного тисненого сафьяна, пытаюсь разгадать эти непостижимые символы на ней. Конечно, это была не игрушка, но вполне могла сойти за нее. А чем еще я могла себя развлечь в этом доме, где не было ни одной игрушки?

Спустя час отец проснулся и зашел в комнату. Первым делом он огляделся вокруг, остановил взгляд на библиотеке, внимательно осмотрел, обшарил каждую полку. Метался как безумный. Наконец с видом победителя и маниакальной точностью налогового инспектора изрек: «Ты трогала эту книгу, ту и вот эту!» Его оглушительный голос разносился эхом по комнате. Я не понимала, что плохого может случиться, если *дотронуться* до книги.

Больше всего пугало, что он заметил это. Каждую из трех книг. К счастью, я была слишком мала, чтобы достать до

верхней полки библиотеки, на которую он особенно долго смотрел и перевел с нее взгляд, загадочно облегченно вздохнув.

А что бы он сказал накануне, если бы заметил, что, роясь в шкафу, я нос к носу столкнулась с голой женщиной из латекса в натуральную величину, с отверстиями в виде жуткого углубления и складки на месте рта и половых органов, насмешливой ухмылкой и тусклым, прикованным ко мне взглядом, зажатой между пылесосом и шваброй? Еще одна картина ада, вытесненная так же быстро, как захлопнулась дверца шкафа.

После занятий мы с Азьей частенько бродили по улицам, чтобы оттянуть момент нашего расставания. На развилке двух улиц, на небольшой площадке, обрамленной лестничным пролетом, подростки катались на роликах или скейтбордах, курили, сбившись в маленькие стайки. Каменные ступеньки лестницы стали нашим наблюдательным пунктом, откуда мы могли любоваться трюками в исполнении нескладных позеров мальчишек. Однажды в среду во второй половине дня мы явились туда с собственными роликами. Наш дебют выглядел очень нерешительно и неуклюже. Ребята немного поприкалывались над нами, но вскоре забыли. Опьяненные скоростью и страхом не затормозить вовремя, мы не думали ни о чем, кроме удовольствия от скольжения. Было еще не поздно, но уже по-зимнему стемнело. Мы со-

брались возвращаться домой и стояли с ботинками в руках, не успев пока снять ролики, с пылающими щеками, еще запыхавшиеся, но счастливые. Как вдруг навстречу выскочил мужчина, закутанный в большой плащ, встал перед нами как вкопанный и широким движением рук, сделавшим его похожим на альбатроса, резко распахнул полы одежды. Мы замерли в оцепенении от вида нелепо торчащего из ширинки эрегированного полового члена. То ли от испуга, то ли от приступа дикого хохота Азья резко отпрянула, я тоже, но в результате мы обе чуть не свернули шеи, потеряв равновесие на роликах, о которых благополучно забыли. Когда мы встали на ноги, этот тип уже испарился, словно призрак.

Отец мимолетно появлялся в нашей жизни еще несколько раз. По возвращении из какого-то путешествия на другой конец света он заскочил к маме, чтобы отметить мое восьмилетие, и привез мне самый неожиданный из подарков: раскладной фургон Барби, о котором мечтали все девчонки моего возраста. Преисполненная благодарности, я бросилась его обнимать, а потом битый час провела, распаковывая с аккуратностью коллекционера каждую детальку, любуясь его бананово-желтым кузовом и ярко-розовой мебелью. В нем было больше дюжины аксессуаров, откидывающаяся крыша, выдвижная кухня, шезлонг и двуспальная кровать...

Двуспальная? Беда! Моя любимая кукла одинока. Может, она, конечно, и вытянет свои длинные ноги на складном сту-

ле, восклицая: «Ах, какой сегодня восхитительный солнечный день!» – но скука будет смертная. Что это за жизнь, если ты едешь отдыхать одна. Внезапно я вспомнила об особи мужского пола, сто лет валявшейся без дела в ящике с игрушками. Рыжеволосый Кен с квадратным подбородком, похожий на самоуверенного лесоруба в клетчатой рубашке, с которым Барби, конечно же, должна была почувствовать себя в безопасности во время отдыха на природе. Наступила ночь, и всем пора ложиться спать. Я уложила Кена рядом с красавицей Барби на кровать, но было очень жарко. Сначала надо снять с них одежду. Ну вот, так им будет гораздо удобнее в такое-то пекло. На телах Барби и Кена не было ни волос, ни половых органов, ни сосков, что странно, но их идеальные пропорции прекрасно компенсировали этот незначительный недостаток. Я укрыла одеялом их гладкие лоснящиеся тела. Оставила крышу открытой под ночным звездным небом. Собравшись уходить, отец поднялся с кресла, обошел фургон, рядом с которым я все еще возилась с миниатюрной корзинкой для пикника, и встал на колени, чтобы посмотреть под навес. Насмешливая ухмылка исказила его лицо, когда он произнес непристойные слова: «Ну что, они трахаются?»

Ярко-розовыми стали теперь мои щеки, лоб и руки. Некоторые люди так никогда ничего и не поймут о любви.

В то время мама работала в небольшом издательстве, за-

нимавшем первый этаж нашего дома, находившегося в трех улицах от школы. Возвращаясь домой без Азы, я частенько перекусывала в одном из невероятных закутков этого логова, заваленного разным хламом вроде степлеров, рулонов клейкой ленты, стопок бумаги, стикеров, скрепок, ручек всех цветов – настоящая пещера Али-Бабы. А еще там были книги. Сотни книг, валявшихся как попало на шатких полках. Упакованных в картонные коробки. Стоящих, словно музейные экспонаты, за стеклом. Изображенных на постерах, висящих на стенах. Моим игровым пространством было царство книг.

По вечерам во дворе царила приподнятая атмосфера, особенно когда возвращались теплые деньки. Консьержка выходила из своей каморки с бутылкой шампанского в руке, выносили летние столики и стулья, писатели и журналисты выгуливали там свою праздность вплоть до наступления ночи. Весь этот просвещенный, блистательный, высокодуховный и местами знаменитый бомонд. Великолепный мир, наделенный множеством достоинств. Профессии других людей, родителей моих друзей, соседей по сравнению с этим мне казались скучными и банальными.

Когда-нибудь я тоже буду писать книги.

* * *

После развода родителей я виделась с отцом лишь изред-

ка. Обычно он водил меня ужинать исключительно в дорогие рестораны, вроде одного марокканского заведения с сомнительным интерьером, где под конец трапезы появлялась пышнотелая женщина в обольстительном наряде, чтобы исполнить танец живота в нескольких сантиметрах от нас. Потом наступал момент, из-за которого мне хотелось провалиться сквозь землю от стыда: отец засовывал самую крупную из своих купюр за резинку трусов или бюстгальтера прекрасной Шахерезады, глядя на нее со смесью гордости и вождения. Его не волновало, что я буквально рассыпаюсь в прах, когда раздается щелчок резинки расшитых блестками трусиков.

Танец живота – это не самое худшее, по крайней мере он при этом присутствовал. Два или три раза мне приходилось сидеть на банкетке в одном из дорогуших ресторанов, дожидаясь, пока месье не соизволит явиться. Периодически ко мне подходил официант, чтобы предупредить, что «папа звонил, он опоздает всего на полчаса». Потом он приносил мне воду с сиропом и подмигивал из глубины зала. Спустя час отец так и не появлялся. Официант начинал волноваться, приносил уже третий стакан гранатового сиропа, пытаясь заставить меня улыбнуться, и, уходя, ворчал: «Это безобразие! Заставлять так долго ждать бедную девочку в десять вечера!» И вот уже официант протягивал мне купюру – на этот раз чтобы оплатить такси, которое доставит меня к матери. Разумеется, пребывающей в ярости от того, что отец снова

предупредил ее, что не сможет быть, в самый последний момент.

Вполне ожидаемо, это продолжалось ровно до того дня, когда под нажимом своей новой спутницы, которая, вероятно, тоже считала мое присутствие слишком обременительным, он исчез навсегда из моей жизни. Вне всякого сомнения, именно с тех пор я питаю особую привязанность к официантам кафе, в обществе которых с самых юных лет чувствовала себя как дома.

* * *

Некоторые дети проводят детство, лазая по деревьям. Свое я проводила среди книг. В них я топила безутешное горе, в которое погрузилась из-за того, что меня бросил отец. Мое воображение было полностью занято темой страстной любви. Ведь я очень рано начала читать романы, в которых мало что понимала, кроме того, что любовь ранит. Почему же мы так торопимся быть ею поглощенными?

Краткое представление о сексуальной жизни взрослых я получила одним зимним вечером, когда мне было около девяти лет. Мы с мамой отдыхали в небольшом семейном отеле в горах. Наши друзья расселились в соседних номерах. Наш номер состоял из комнаты в форме буквы «Г», поэтому в дальней ее части мне поставили дополнительную кровать

за небольшой перегородкой. Несколько дней спустя к нам присоединился мамин любовник. Втайне от своей жены. Это был интересный мужчина, творческий человек, пропахший трубочным табаком, носивший жилет и галстук-бабочку по моде прошлого века. Я его не интересовала. Его всегда смущало мое сидение у телевизора в среду днем²

² Традиционно большинство учреждений социального дошкольного образования во Франции по средам не работают. – *Прим. пер.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.